

УДК 316.77:81'373

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-256-272

КРЫЛАТИКА В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

О.В. Ломакина¹, В.М. Мокиенко²

¹Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Ул. Новокузнецкая, 23Б, Москва, Россия, 115184

²Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 11, Санкт-Петербург, Россия, 195249

Статья посвящена анализу функционирования крылатых единиц в современных текстах, относящихся к различным дискурсам. Несмотря на сосуществование различных терминов (*крылатая единица, крылатое выражение, интертекстема, прецедентный текст, текстовая реминисценция, этноним, этнологизм, логоэпистема, коммеморат* и др.), суть языковых единиц, обозначаемых этими терминами, сводится к их главной характеристике — прямой зависимости от источника, их воспроизводимости и узнаваемости в готовом виде. В статье рассматриваются этапы становления терминосистемы крылатологии как раздела крылатологии, называются имена учёных, внесших значительный вклад в развитие этой отрасли. Показано, что, несмотря на терминологическую разобщённость и становление метаязыка крылатики, крылатология как раздел фразеологии занимает устойчивые позиции как в российской, так и в европейской лингвистике благодаря реализации функционального потенциала крылатики в текстах различных стилей и жанров. Авторы намечают перспективы исследования, связанные с изучением функционального потенциала крылатики. В ходе исследования были рассмотрены демотиваторы, где крылатые единицы *В России две беды — дураки и дороги* (Н.В. Гоголь) и *Рождённый ползать — летать не может* (М. Горький) используются в вербальной части и получают текстообразующее значение. Рассмотрены неологизмы *Я — Шарли (Je suis Charlie) — Я не Шарли, Крым наш, вежливые люди*, появление которых возникло благодаря современному культурному контексту. В статье анонсируется необходимость создания прагматически заряженного словаря «Классики русской литературы в зеркале крылатых выражений». Актуальность проведённого исследования обусловлена рассмотрением крылатики в современных текстах различных жанров.

Ключевые слова: крылатые единицы, функциональный потенциал, демотиватор, язык публицистики, хештег

ВВЕДЕНИЕ

Анализ современных текстов различной функционально-стилистической направленности [1—7] показал широкое распространение крылатики — свода крылатых единиц (КЕ), функционирующих в русском языке.

Процесс становления метаязыка крылатологии продолжается, что проявляется в терминологической разобщённости при обозначении предмета исследования (сосуществование терминов *крылатая единица, крылатое выражение, интертекстема, прецедентный текст, текстовая реминисценция, этноним, этнологизм, логоэпистема, коммеморат* и др.), однако суть языковых единиц, обозначаемых этими терминами, сводится к их главной характеристике — прямой зависимости от источника, их воспроизводимости и узнаваемости в готовом виде. Этот разряд

фразеологических единиц занял прочное место в языке, став одним из маркёров современного культурного контекста. «Развитие крылатологии не сводится к процессу заимствования, но оно немислимо и невозможно вне взаимодействия и взаимовлияния культур» [8. С. 232].

Цель данной статьи — определить особенности использования крылатики в *современном культурном контексте*, под которым понимаем условия существования, учитывающие время и место появления и функционирования языковых единиц.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методы проведённого исследования включают описательно-аналитический метод, предусматривающий непосредственное наблюдение анализируемых явлений в конкретном употреблении, систематизацию и обобщение при анализе использования крылатики, функционирующей в конкретном тексте (см. работы А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко, И.П. Смирнова, А.Е. Супруна, П.Х. Торопа, С.Г. Шулежковой, Й. Гомолач, С. Чмейрковой, Я. Гофмановой, П. Мареша, Т. Жилки и др.); элементы интертекстуального анализа, предполагающего установление связи с претекстом, а также выявление роли интертекстуальных элементов в построении текста (М.М. Бахтин, Ю. Кристева, Н.А. Кузьмина, Н.А. Фатеева и др.). Интертекстуальными называются «такие текстообразующие элементы, которые, имплицитно или эксплицитно присутствуя в тексте, вызывают в сознании читателя дополнительные смысловые ассоциации, аллюзии, реминисценции и способствуют расширению смысловых границ текста» [9. С. 155].

Амбивалентностью материала и сложностью его поиска продиктован доминирующий методологический принцип — приём сплошной выборки из сетевых источников (URL: <http://www.demotivatory.ru>, <http://www.yandex.ru> — в Рунете), национального корпуса русского языка (НКРЯ), современной газетной периодики. Верификация материала проходила по «Большому словарю крылатых слов и выражений русского языка» В.П. Беркова, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежковой (2009) и словарю «Крылатые слова» Н.С. и М.Г. Ашукиных (1988).

КРЫЛАТОЛОГИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ, СОСТОЯНИЕ НАУКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Начавшееся в 1980-е гг. активное изучение и лексикографическое описание особого разряда фразеологических единиц, имеющих «печать авторства» (С.Г. Шулежкова), обладающих двуплановой семантической структурой (Б.С. Шварцкопф), которая учитывает авторское и современное значение, позволяют говорить о существовании такого раздела фразеологии, как *крылатика* (В.М. Мокиенко) / *крылатология* (С.Г. Шулежкова) / *эптология* (Л.П. Дядечко). Однако предпосылки появления этого направления были обозначены ещё в работе Г. Бюхмана «Крылатые слова» (1864 г.).

В современной лингвистике сосуществуют различные номинации для обозначения единиц крылатологии. Так, в своих теоретических исследованиях и лексикографических работах Н.С. и М.Г. Ашукины (1988) [10], Л.Ф. Щербачук [11] использовали термин *крылатые слова*, Л.П. Дядечко — *эпонимы* [12], Е.Е. Ива-

нов — *крылатые афоризмы* [13, 14], Ю.Н. Караулов — *прецедентные тексты* [15], В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова — *логоэпистемы* [16], К.П. Сидоренко — *интертекстовые единицы* [7], А.И. Супрун — *текстовые реминисценции* [17].

Прокомментируем наиболее распространённые термины.

К.П. Сидоренко при составлении «Словаря крылатых слов Пушкина» использовал термин *интертекстема* как родовое обозначение крылатых слов и выражений. Под интертекстемой учёный понимает «межуровневый реляционный (соотносительный) сегмент содержательной структуры текста — грамматической (морфемно-словообразовательной, морфологической, синтаксической), лексической, просодической (ритмико-интонационной), строфической, композиционной, — вовлеченный в межтекстовые связи» [18. С. 317]. В основе предложенного определения лежат лингвистические показатели, а обнаружение межтекстовых связей позволяет отнести обозначенное понятие к литературоведению, семиотике и культурологии, поскольку межтекстовая связь может представлять собой последовательность любых знаков, любую форму коммуникации. Анализ интертекстем-пушкинизмов, сопровождаемый культурологическим комментарием, был положен в основу лексикографического издания — «Словаря крылатых слов Пушкина» [19].

Активно употребляемый сегодня термин *прецедентные тексты*, введённый Ю.Н. Карауловым, обозначает тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении», «имеющие сверхличностный характер», «обращение к которым неоднократно возобновляется в дискурсе этой личности» [15. С. 216]. Автор при этом подчеркивает национальный характер прецедентных текстов и их связь преимущественно с литературными истоками. И.В. Арнольд к прецедентным текстам относит не только художественные тексты, но и фольклорные жанры (песни, мифы, сказки) и молитвы [20. С. 426]. Приведём одно из наиболее полных определений рассмотренного термина: «Прецедентный текст — законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; ПТ знаком любому среднему члену лингвокультурного сообщества... обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и символы» [21. С. 27]. Суммируя сказанное, прецедентными текстами считают Библию, произведения художественной литературы, тексты песен, рекламные слоганы, публицистические тексты, политические лозунги различных эпох, популярные цитаты (в том числе и классиков марксизма-ленинизма) и т.д. [ср. 21—23]. Нетрудно увидеть, что материал этого рода во многом покрывается как традиционным обозначением *крылатые слова и выражения*, так и новейшим термином *интертекстема*.

Несмотря на процесс становления метаязыка крылатики, за последние два десятилетия этот раздел фразеологии значительно сформировался в методологическом плане. Одним из первых серьёзных трудов по крылатологии является монография С.Г. Шулежковой «Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие» (2002), содержащая важные сведения: дифференциальные признаки (раздельнооформленность, воспроизводимость, устойчивость структуры, стабильность семантики, связь с источником) [24. С. 28—29], источники образования

крылатики, этапы крылатизации единиц. Распространённой стала точка зрения С.Г. Шулежковой, обозначившая родовым термином *крылатая единица* (КЕ) этот разряд фразеологизмов, к которому относятся *крылатые слова* (КС) и *крылатые выражения* (КВ), являющиеся разноструктурными единицами. Впоследствии украинская исследовательница Л.П. Дядечко в книге «„Крылатый слова звук“, или Русская эптология» (2006) сделала обзор существующих работ, показав степень изученности проблемы и обозначив проблемные зоны этого раздела фразеологии, что определило научный поиск учёных.

Наличие терминологического конфликта, заключающегося в использовании параллельно употребляющихся терминов, доказывает, с одной стороны, что метаязык крылатологии находится в стадии становления, с другой — широту трактовок исследователей при понимании этого языкового явления.

Наблюдается терминологическая асимметрия в отечественной и зарубежной крылатологии. А.С. Макарова связывает это с разным пониманием данного языкового явления: «...зарубежные фразеологи фактически не уделяют внимания рассматриваемой проблематике, то есть КВ ими не изучаются как особые языковые единицы и не выделяются в отдельную группу устойчивых выражений. Кроме того, научное сотрудничество осложняется отсутствием единой терминологической базы, которое было выявлено при сравнительном изучении русской и французской фразеологии». <...> Термины *крылатые слова* и *крылатые выражения* утвердились в немецкой, английской, славянской лингвистике, в отличие от французской [8. С. 231].

Европейские исследователи связывают изучение крылатики с категорией интертекстуальности. Наличие претекста, зримо или аллюзийно присутствующего в данном тексте, — главная черта интертекстуальности, что И.В. Арнольд обозначила как двойственность знака: с одной стороны, он принадлежит данному, новому тексту, с другой — уже некогда созданному [20. С. 376]. В европейской (в частности немецкой) филологической традиции интертекстуальность охватывает такие явления, как заимствование, интерпретация тем, сюжетов, цитация различных типов, плагиат, аллюзия, парафраза, пародия, экранизация, литературные эпиграфы [25]. Большинство учёных характеризуют интертекстуальность именно с позиций такой амбивалентности, которая в какой-то мере отражается в вариантах терминологического обозначения интертекстуальности. Так, в богемистике, наряду со словом *intertextualita* [26 и др.], употребляется и термин *intertextovost* [27; 28 и др.], который один из исследователей уточняет со ссылкой на английские соответствия: «...благодаря уже прижившемуся термину метатекстовость мы отдаём предпочтение термину *intertextovost* перед более употребительным международным соответствием *intertextualita* (англ. *intertextuality*, фр. *intertextualité*, пол. *intertextualność*)» [28. С. 9]. Стоит назвать и описательный термин *mezitextové navazování* (межтекстовая соотнесённость), синонимичный названным [29. С. 117].

Сегодня с уверенностью можно сказать, что, несмотря на терминологическую разобщённость и становление метаязыка крылатики, «крылатые выражения представляют собой стройную систему языковых единиц» [24. С. 28], а это направ-

ление фразеологии занимает устойчивые позиции как в российской, так и в европейской лингвистике благодаря реализации функционального потенциала КЕ в текстах различных стилей и жанров.

Интертекстуальный анализ, первоначально ставивший целью поиск «текста в тексте» и изучавший проблему влияния одного текста на другой, сегодня проводится применительно к текстам разных стилей и жанров. Перспективным для нас представляется несколько векторов проведения подобных исследований: 1) выявление текстообразующего значения КЕ не только для текстов традиционных жанров публицистики и художественной литературы, но и для гибридных креолизованных текстов новых жанров (например, рекламных объявлений, блогов, разных форм интернет-мемов и под.); 2) определение актуализированных КЕ в визуальных жанрах интернет-коммуникации; 3) создание новых словарей КЕ, в словарной статье которых будут учитываться примеры употребления КЕ в креолизованных текстах; 4) установление взаимовлияния культурного контекста при выявлении мифологической и психологической основы художественного произведения (мифологема — архетип — психологический портрет).

КРЫЛАТИКА КАК ЭЛЕМЕНТ ВЕРБАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ДЕМОТИВАТОРА

Признано, что крылатика является неотъемлемым элементом в ряде интернет-жанров, прежде всего в интернет-мемах и его формах — демотиваторах, комиксах, плакатах, карикатурах [2; 30]. Демотиваторы, в отличие от других форм мемов, трёхкомпонентны и содержат следующие элементы: 1) изображение; 2) слоган или лозунг, набранный крупным шрифтом; 3) пояснительную надпись, набранную мелким шрифтом. Таким образом, можно говорить о демотиваторе как многоярусном тексте, поэтому характеристика его вербального компонента представляется наиболее интересной.

Рассмотрим примеры, в которых КЕ имеют текстообразующее значение.

КЕ *В России две беды — дураки и дороги* (Н.В. Гоголь) является одним из самых частотных элементов демотиваторов (рис. 1—4).

Рис. 1 / Fig. 1

Рис. 2 / Fig. 2

Рис. 3 / Fig. 3

Рис. 4 / Fig. 4

Во всех примерах КЕ представлена в трансформированном виде: происходит усечение компонентного состава КЕ за счёт сокращения и выделения ключевых компонентов. В первом случае вербальный компонент *Две беды — дураки и дороги* дополнен комментарием, сформулированным в вопросительном предложении *Америка выбрала хорошие дороги, что же выбрать России?* Таким образом, автор апеллирует к авторитету США как идеальной стране, при этом визуальный компонент подкрепляет вербальный. В основе вербального компонента рис. 2 — пример комплексного преобразования КЕ (*Две беды России встретились и дураки*). Третий пример представляет собой контаминацию ФЕ *два в одном* и варианта рассматриваемой КЕ — вычленение компонентов КЕ *дураки и дороги*. В основе вербального компонента четвёртого демотиватора — языковая игра, в основе которой гоголевское КЕ.

КЕ *Рождённый ползать — летать не может* представляет собой афоризм, получивший распространение в языке благодаря стихотворению в прозе М. Горького «Песня о Соколе» 1895 г. (итоговый вариант — 1899 г.), хотя представляет собой авторскую интерпретацию строчки из басни «Мужик и корова» русского поэта-баснописца XVIII в. И.И. Хемницера (1745—1784): «Скакать корова не училась. // А потому и должно знать: // Кто ползать родился, тому уж не летать» [10. С. 302—303]. КВ характеризует «трусливое поведение, неспособность на жертвенный поступок, на подвиг» [31. С. 305]. Проанализируем два демотиватора, где употребляется данная КЕ.

Рис. 5 / Fig. 5

Рис. 6 / Fig. 6

Вербальная часть представляет собой комплексное варьирование КВ, приводящее к изменению плана содержания и плана выражения рассматриваемой единицы. В первом демотиваторе трансформирование КЕ приводит к полной смысловой деформации единицы. Вербальная часть второго демотиватора представляет собой парцелляцию: первая строка — трансформ КЕ, а комментарий — расширение КЕ. Отметим также, что для современных демотиваторов считается нормой отсутствие знаков препинания, которое наблюдается в части комментария.

Новый жанр интернет-дискурса демонстрирует органичное использование крылатики. «Поскольку для правильного восприятия интернет-мема необходимы пресуппозитивные знания, благодаря которым будет понятно содержание — единство вербального и визуального компонентов, знание фонда КЕ и владение им помогает не только при порождении, но и в процессе понимания текстов этого жанра» [30. С. 42—43].

СОВРЕМЕННЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК ОБРАЗОВАНИЯ НОВОЙ КРЫЛАТИКИ

Формирование фонда КЕ — процесс постоянный, что отражает незамкнутость крылатики. Основным источником пополнения крылатики в последние десятилетия, по наблюдению С.Г. Шулежковой, являются синтетические виды искусства: песни, кинофильмы, телепередачи и др. [24. С. 168]. Наши данные подтверждают этот тезис: в последние годы прошли этап крылатизации различные единицы, в том числе названия кинофильмов («50 оттенков серого», «Движение вверх», «Турецкий гамбит») и телепередач («Последний герой», «Здорово жить»), песенные («Это не шутки: Мы встретились в маршрутке») и рекламные строки (Просто добавь воды; Сколько вешать в граммах?).

Этапы крылатизации выражений, описанные С.Г. Шулежковой, включают воспроизведение цитаты с указанием на источник, графическое выделение, использование в качестве сильной позиции — заголовка, появление системных отношений [24. С. 239—241]. Однако в современном языке обозначенные этапы трансформировались, что связано с изменением общего культурного контекста: во-первых, влиянием Интернета на скорость распространения выражения и его тиражируемость, во-вторых, существованием общего медиапространства как среды для активной «жизни» потенциальной крылатики. Таким образом, первый этап крылатизации отсутствует, второй является факультативным, а третий и четвертый до настоящего времени актуальны.

Употребление КЕ в качестве заголовка как сильной позиции текста можно считать отличительной чертой современной публицистики, поскольку он по сравнению с другими композиционными частями газетной статьи несёт особую коммуникативную нагрузку. «Современный заголовок с учётом всё увеличивающейся временной компрессии выполняет и информативную функцию, представляя собой свёрнутый текст: читатель должен представлять картину дня, лишь просмотрев заголовки. Желание автора статьи привлечь внимание к опубликованному материалу, необходимость репостов и большого количества скачиваний выдвигает на первый план прагматическую функцию заголовка» [3. С. 37].

Согласно нашей картотеке, включающей около 1000 единиц, извлечённых приёмом сплошной выборки из российских газет последних пяти лет (2014—н.2019 гг.), в функции заголовка авторы чаще используют КЕ (более 60%), менее употребительны идиомы (около 30%), пословицы единичны.

Несомненно, авторы не могут не учитывать тот факт, что крылатика «увеличивает силу воздействия текста и способствует реализации коммуникативно-прагматической цели публикации», «являясь одним из самых ярких и действенных средств языка в аспекте воздействия на читателя» [32. С. 199].

Современный читатель владеет неким прецедентным минимумом (по аналогии с выделенным Г.Л. Пермяковым паремиологическим минимумом), благодаря пресуппозиции происходит понимание значения единицы, а различные актуализаторы (прежде всего субституты) служат средством привлечения читателя и вовлечения его в круг обсуждаемых проблем. Потенциальные КЕ, многократно тиражируясь, приобретая серийность (многократные преобразования, чаще — одного типа), становятся не только частью «топа» фразеосредств (фразеологического минимума журналистов), но полноправными КЕ, попадающими впоследствии в соответствующие словари и справочники. Если в эпоху печатных СМИ верификация в первую очередь проводилась по лексикографическим источникам, то в сетевом обществе фактор повторяемости и трансформируемости может говорить о крылатизации выражения.

Современный культурный контекст воспринял ряд неологизмов, ставших, как показывает языковой материал, крылатыми.

Галлицизм *Я — Шарли* (*Je suis Charlie*) — «лозунг, с которым европейцы вышли на демонстрации в знак протеста против теракта, совершенного в редакции французского сатирического еженедельника “Charlie Hebdo”» [см. подробнее: 33. С. 433]. Этот галлицизм стал полноправной КЕ, что доказывает широкий функциональный потенциал и лексикографическая фиксация: «*Я — Шарли* — универсальная формула выражения солидарности или протеста против любой несправедливости» [34. С. 238].

Приведём примеры, в которых КЕ выступает в качестве заголовка и является текстовой доминантой, при этом получает семантизацию в контексте:

Я не Шарли [название статьи] («Комсомольская правда», 11.01.15)

Я — Шарли.net [название статьи]. *Теперь те, кто «Я — Шарли», говорят, что назвать себя так — это была акция против убийства людей, которые имеют альтернативное мнение. Любое другое. И мнение, оскорбляющее мусульман, тоже. <...> Можно оттолкнуться от этого, немножечко подпрыгнуть и взять шире — это была акция за то, что убивать вообще нельзя. «Я — Шарли» — это практически флешмоб в поддержку божественной заповеди «не убий!». Тогда получается, что каждый нормальный человек: не преступник, не маньяк — он — Шарли. <...> В любом случае теперь всем нам как-то надо определиться: Шарли мы или люди с собственными именами и фамилиями, которые способны отделить белое от черного, а смешную карикатуру от образчика цинизма и мерзости. И, определившись, запустить новый хештег — ШарлиNet. Ведь только на нет — суда нет. А всё другое должно быть судимо по делам его* («Московский комсомолец», 06.11.15).

При интерпретации данных примеров важно учитывать культурный контекст. Если в первом случае автор пишет буквально по горячим следам, сразу же после теракта, то второй пример употребления КЕ в статье, написанной после крушения российского пассажирского самолета Airbus A321 в Египте, иллюстрирует факт различных этапов крылатизации — от использования графического маркёра до полноправного вхождения в язык, выраженного в создании фразеологически насыщенного контекста с употреблением паремии *На нет — суда нет*, библеизма *судимо по делам его*, образовании хештега.

Наша картотека содержит серийные примеры трансформаций КЕ, употребляемого в различных функциональных разновидностях языка:

*Иногда мне становится стыдно что я живу в Европе, в старой лицемерной Европе... Фашистские каратели: порошенко, яценюк, клычко и прочие подонки развязали Гражданскую войну, на которой гибнут украинцы и русские. Европейские политики молча наблюдают за массовыми убийствами мирных жителей, женщин, детей на Украине... Но все выходят на массовое шествие в Париже против террора — верх лицемерия. Мне жаль погибших журналистов, но все мы, жители Европы, находимся на войне с реакционным исламом, уже не один год... Гибнут простые люди в Англии, Испании, Германии, Франции и будут ещё гибнуть... Но десятки погибших от взрывов в этих странах не идут ни в какое сравнение с тысячами погибших украинцев... Мы успокоимся только тогда, когда через 2—3 года увидим порошенко, яценюка, клычко и прочих убийц в камере Гаагского трибунала осуждённых за геноцид собственного народа... **Я не Шарли. Я — Донецк. Я — Луганск** (URL: <https://www.inpearls.ru/>)*

*Что, чёрт возьми, творится в этом мире?
Не разглядеть мне сквозь огонь и дым
Я не Шарли, я — Су-24,
И где таблички с именем моим? (С. Ефимов)*

Я не Шарли.

*Я в Грозном дом печати.
И зритель из Норд-Оста тоже я.
Я факел из Одессы, так и знайте!
Я в Горловке убитая семья.*

Я не Шарли!

*Я дети из Беслана.
Я из Донецка сгорбленная мать.*

Я Стенин,

Корнелюк,

Волошин с Кляном.

Я не умею просто рисовать (И. Мацигура. URL: <https://www.stihi.ru/2015/01/11/8306>).

Приведённые примеры демонстрируют незамкнутость крылатики, «свидетельствуют о высокой степени освоенности» КЕ [24. С. 232].

Связь с социально-политическим контекстом имеют КЕ *Крым наш* и *вежливые люди*, особенностью которых является региональная маркированность [35. С. 62].

Сначала неологизм *вежливые люди* употребляется в кавычках:

Армянск вместо Славянска был условной реальностью, отмененной «вежливыми людьми» («Известия», 29.06.2014).

Заголовок *«Вежливые люди Михалкова готовы занять фонд кино»* («Собеседник», 26.9.—2.10.18) доказывает процесс крылатизации выражения: употребляется без графического выделения и вхождения в систему языка (здесь наблюдается изменение коннотации).

Преобразование КЕ доказывает не только факт вхождения в язык, но и стремление его к ядру фонда КЕ. Например, заголовок *«АфонНеНаш»* («Собеседник», 24—30.10.18) представляет собой комплексное варьирование КЕ: субституция, трансформация по линии отрицания сопровождается графически путём слитного написания и использования прописных букв для обозначения нового слова, что делает данный заголовок похожим на хештег. Замена компонента *Крым — Афон* объясняется ситуацией, сложившейся на Украине в связи с расколом церкви, положительная коннотация, присущая исходной единице, меняется.

Как показали представленные контексты, фонд прецедентных текстов, формирующий крылатику и обогащающий фразеологию, располагает богатым арсеналом единиц, которые могут использоваться в различных дискурсивных практиках, создавать «рамку» текстов.

КЛАССИКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЗЕРКАЛЕ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ» КАК ПРИМЕР ПРАГМАТИЧЕСКИ ЗАРЯЖЕННОГО СЛОВАРЯ

Поскольку словарь не просто фиксирует какую-либо единицу — аффикс, слово, фразеологизм, а запечатлевает языковую реальность, является источником культурологической информации, то «на современном этапе создание каждого нового лексикографического произведения должно базироваться на разработке целого ряда лингвистических проблем: лексикологических, семасиологических, грамматических, стилистических и др.» [36. С. 9]. Действительно, любой создаваемый словарь должен учитывать господствующую научную парадигму и ориентироваться на потенциального «читателя», а значит, быть прагматически заряженным.

Создаваемый нами словарный проект «Классики русской литературы в зеркале крылатых выражений» призван восполнить пробел в знании школьниками свода КЕ, функционирующих в русском языке. Отбор таких единиц осуществлялся нами с помощью методики лингвистического эксперимента — социолингвистического опроса информантов разных городов России, а также с учетом ФГОС по литературе для средней школы РФ. Кроме того, опрос был призван получить данные о ментальном лексиконе и составить коллективный языковой портрет современной молодежи.

Самым важным стало выявления ядерной и периферийной зоны КЕ с учётом фактора частотности. Более 70% опрошенных сообщили, что они знают, употребляют, умеют объяснить такие КЕ, как *Всё образуется* (Л.Н. Толстой); *Любви все*

возрасты покорны (А.С. Пушкин); *Мамынькин сынок* (Д.И. Фонвизин); *Медвежья услуга* (И.А. Крылов); *Мы в ответе за тех, кого приручили* (А. Сент-Экзюпери), что позволяет назвать эти единицы когнитивно ядерными. Противоположную группу составили КЕ, значение которых незнакомо более 70% анкетированных: *Осетрина второй свежести* (М.А. Булгаков); *Поверять алгебру гармонией* (А.С. Пушкин); *Наступить на горло собственной песне* (В.В. Маяковский); *В карете прошлого далеко не уедешь* (М. Горький), что вызывает беспокойство и необходимость дополнительной работы.

При определении источника крылатики были получены следующие данные: более 70% обучающихся не смогли назвать источник появления КВ *Осетрина второй свежести* (М.А. Булгаков); *Охота к перемене мест* (А.С. Пушкин); *Пациент скорее жив, чем мёртв* (А.Н. Толстой); *Поверять алгеброй гармонию* (А.С. Пушкин). Ядерными КЕ при точном определении источника являются единицы из художественной литературы: более 70% респондентов дали правильный ответ (*Алые паруса* — А. Грин; *Быть или не быть* — У. Шекспир; *Гений чистой красоты* — А.С. Пушкин; *Герой нашего времени* — М.Ю. Лермонтов; *Доктор Айболит* — К.И. Чуковский; *К нам едет ревизор* — Н.В. Гоголь; *Отцы и дети* — И.С. Тургенев; *Служить бы рад — прислуживаться тошно* — А.С. Грибоедов; *Тварь я дрожащая или право имею* — Ф.М. Достоевский; *Что такое хорошо и что такое плохо?* — В.В. Маяковский; *Я к Вам пишу. Чего же боле?* — А.С. Пушкин). Информация о нахождении КЕ у 40% анкетированных (*Тварь я дрожащая или право имею* — Ф.М. Достоевский; *Что такое хорошо и что такое плохо?* — В.В. Маяковский; *Я к Вам пишу. Чего же боле?* — А.С. Пушкин) в пассивном словарном запасе (знаю, не употребляю, не умею объяснить) позволяет говорить о периферии в современном языке.

Таким образом, одним из значимых критериев выявления наиболее употребительных КЕ и отбора материала для нового словаря стало составление эптологического портрета современной молодёжи. Этот опрос показал также «слабые места» в знании КЕ учащимися, подсказал способы активизации соответствующих знаний и помог охарактеризовать особенности языковой личности современного выпускника, выделив речевые доминанты. Важным аспектом является изучение речи учащихся-билингвов в условиях полиэтничного общества. Важным критерием отбора материала (в том числе и контекстного) для словаря стало определение частотности употребления крылатых слов и выражений того или иного писателя-классика. Такая частотность определялась как на основе имеющейся у составителей картотеки, так и на основе последовательного анализа лексикографического опыта предшественников, отразивших уже большой массив материала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Широкое распространение крылатики в современной речи, серийность использования, появление новых единиц говорит об актуальности изучения данного раздела фразеологии. Анализ использования КЕ в современном культурном контексте показал, что одной из главных функций крылатики является текстообразующая функция.

КЕ употребляются в текстах разных стилей и жанров, в том числе только утверждающихся. Крылатика — неотъемлемая часть вербальной части демотиватора, для адекватного понимания которого необходимы пресуппозитивные знания, в противном случае замысел авторов будет непонятен. КЕ, выступающие в качестве слогана и комментария, чаще используются в трансформированном виде, что доказывает незамкнутость крылатики как системы.

Если традиционно учёные называли такие источники появления КЕ, как мифология, литература, синтетические виды искусства, то недавние исторические события, т.е. современный культурный контекст, дали жизнь неологизмам *Я — Шарли (Je suis Charlie) — Я не Шарли, Крым наш, вежливые люди*, употребление которых в сильной позиции текста доказывает факт их вхождения в язык.

Современный культурный контекст даёт импульс для создания нового типа словаря. Проект «Классики русской литературы в зеркале крылатых выражений» — пример прагматически заряженного словаря, составляемого для безошибочного владения богатым фондом крылатики, повышения уровня языковой грамотности, расширения ментального лексикона школьников. Рассматривая словарь как интертекст, мы предлагаем в качестве иллюстративного материала привлекать не только публицистические тексты или отрывки из произведений художественной литературы, но и тексты новые жанров, в основе которых лежит крылатика.

© Ломакина О.В., Мокиенко В.М., 2019

Дата поступления: 1.02.2019

Дата приема в печать: 15.03.2019

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Куныгина О.В., Ломакина О.В., Макарова А.С.* Интернет-портал «Православие и мир» как пример современного религиозного дискурса // *Журналистский текст в новой технологической среде: достижения и проблемы*. Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета, 2019. С. 192—197.
2. *Ломакина О.В.* Крылатика в интернет-дискурсе: функционально-прагматический аспект // *Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: материалы междунар. науч. конф.* Тула: ТППО, 2018. С. 254—260.
3. *Ломакина О.В.* Крылатые единицы в роли современного газетного заголовка: состав, тенденции употребления // *Русский язык за рубежом*. 2019. № 1. С. 37—41.
4. *Ломакина О.В.* Язык Л.Н. Толстого как источник крылатики: из опыта анализа современного употребления крылатых выражений в современной публицистике (на материале интернет-статей) // *Новая экономика и региональная наука*. 2016. № 2 (5). С. 213—217.
5. *Ломакина О.В., Макарова А.С.* Современный заголовок как пример реализации функционального потенциала крылатики в публицистическом дискурсе // *Жизнь фразеологии — фразеология в жизни: сборник научных статей к юбилею профессора А.М. Мелерович* / отв. ред. и сост. И.Ю. Третьякова; предисл. А.Е. Якимов. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. С. 180—186.
6. *Мокиенко В.М. И.А.* Крылов на перекрёстке эпох: традиции и инновации // *Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и инновации в русистике: сборник научных статей* / отв. ред. К.С. Акопян. Ереван: Российско-Армянский (Славянский) университет, 2018. С. 107—117.

7. *Сидоренко К.П.* Интертекстовые единицы из диалогии И. Ильфа и Е. Петрова в современной речи // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения — 2018): сборник научных трудов. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2018. С. 312—316.
8. *Макарова А.С.* Современная крылатология: становление терминологического аппарата // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2018. Т. 4. № 1. С. 223—242. Modern krylatology (Winged words studying): Genesis of terminology.
9. *Савченко А.В.* Интертекстуальность как характеристика эпохи (на материале романа Й. Шкворецкого «Tankový prarog») // II Славистические чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова: материалы международной научной конференции. 12—14 сентября 2000 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. С. 155—157.
10. *Аиукин Н.С., Аиукина М.Г.* Крылатые слова: Литературные цитаты; образные выражения. М.: Художественная литература, 1987.
11. *Щербачук Л.Ф.* Крилаті вислови в мові творів Лесі Українки // Тези доповідей та повідомлень наукової конференції до 125-ї річниці від дня народження „Літературний феномен Лесі Українки”. Сімферополь, 1996. С. 35—38.
12. *Дядечко Л.П.* «Крылатый слова звук», или Русская эптология: учебное пособие. Киев: Киев. нац. ун-т им. Т.Г. Шевченка, 2006.
13. *Иваноў Я.Я.* Да складання слоўніка “Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з біблейскіх крыніц” (лексікаграфічны матэрыялы) // Філолагічний часопіс. 2018. Вип. 2 (11). С. 16—33.
14. *Иваноў Я.Я.* Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н.э. — XX ст.: тлумачальны слоўнік Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2011.
15. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
16. *Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Единицы семиотической системы русского языка как предмет описания и усвоения // Материалы IX Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы: доклады и сообщения рос. ученых. М., 1999. С. 252—260.
17. *Супрун А.И.* Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 17—29.
18. *Сидоренко К.П.* Интертекстовые интерпретаторы в «Словаре крылатых выражений Пушкина» // Слово. Фраза. Текст: сборник научных статей к 60-летию М.А. Алексеенко. М.: Азбуковник, 2002. С. 317—330.
19. *Мокиенко В.М., Сидоренко К.П.* Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб.: Изд-во СПбГУ, Фолио-Пресс, 1999.
20. *Арнольд И.В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.
21. *Гудков Д.Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во Московского ун-та, 1999.
22. *Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994. № 1. С. 73—76.
23. *Chlebda W.* Рец. на кн.: Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во Московского ун-та, 1999 // Studia i szkice slawistyczne. Literatura — Kultura — Język. 1. Pod redakcją Wojciecha Chlebdy i Ireny Światłowskiej-Prędoty. Opole: Uniwersytet Opolski, 2002. P. 257—263.
24. *Шулежкова С.Г.* Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М.: Азбуковник, 2002.
25. *Сидоренко К.П.* Интертекстематика (Пушкинский текст в интертекстовой динамике: лингвистический аспект). СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002.

26. *Kraus J.* K problematice institucionálního diskurzu // *Stylistika*, 9. Opole, 2000. S. 103—116.
27. *Hoffmannová J.* K charakteristice postmoderního textu // *SaS*. 1992. 53. P. 171—184.
28. *Homoláč J.* Intertextovost a utváření smyslu v textu. Praha, 1996.
29. *Čmejrková S.* Reklama a intertextualita aneb Vlasy děláj' člověka // *Stylistika*, 9. Opole, 2000. P. 117—136.
30. *Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю.* Текст художественной литературы как основа для интернет-мема: из опыта анализа современных рецептов // *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2018. № 437. С. 36—44. doi: 10.17223/15617793/437/5.
31. *Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г.* Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2 т. / под ред. С.Г. Шулежковой. Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2009. Т. 2.
32. *Макарова А.С.* Особенности функционирования крылатых выражений-галлицизмов в современной французской и российской публицистике: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.
33. *Макарова А.С.* Я — Шарли / Я не Шарли — две стороны одной медали? (на материале публицистического дискурса франкоязычных и англоязычных массмедиа) // *Образ России в условиях информационной войны конца XX — начала XXI в. Тенденции обновления политического дискурса: материалы международной научной конференции* / под ред. С.Г. Шулежковой. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2017. С. 431—441.
34. Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / русская часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин; немецкая часть: Х. Вальтер, О.В. Михина; Науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.Н. Носова; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта; под ред. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), А.А. Осиповой. Магнитогорск: ЗАО «Магнитогорский Дом печати»; Greifswald: ErnstMoritz-Arndt-Universität, 2016.
35. *Богданович Г.Ю.* Междисциплинарная платформа дискурсологии: крымский контекст // *Дискурсология: возможности интерпретации гуманитарного знания: тезисы докладов участников всерос. научно-практической конференции с международным участием*. Симферополь: Изд-во Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, 2018. С. 62—63.
36. *Алёшина Л.В.* Словарь авторских новообразований в контексте современной отечественной лексикографии: дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 2002.

УДК 316.77:81'373

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-256-272

WINGED WORDS IN A MODERN CULTURAL CONTEXT

Olga V. Lomakina¹, Valerij M. Mokienko²

¹St. Tikhon's Orthodox University
Novokuznetskaya Str., 23B, Moscow, Russia, 109451

²St. Petersburg State University
Universitetskaya Embankment, 11, Saint Petersburg, Russia, 199034

Abstract. The article analyses functioning of winged expressions in contemporary texts falling into different types of discourse. Despite coexistence of different terms (*winged unit*, *winged expression*, *intertexteme*, *precedent text*, *text reminiscence*, *epitonym*, *epitologism*, *logoepisteme*, *commemorate*, etc.), the essence of the linguistic units described by these terms comes down to the main characteristics thereof — direct dependence on the source, reproducibility and recognisability thereof. The article reviews development stages of the winged unit study term system as part of the winged unit study, names scholars

who have significantly contributed to the development of this field. It shows that despite the terminology divergence and the early days of the winged unit study metalanguage, this study as part of phraseology has assumed a stable position both in the Russian and European linguistics owing to the winged unit study functional potential realisation in different text styles and genres. The authors define research directions related to the winged unit study functional potential. As part of the study there were reviewed demotivators where the winged units *В России две беды — дураки и дороги* (*Russia has two problems: pinheads and roads*) (N.V. Gogol) and *Рождённый ползать — летать не может* (*He who was born to slither cannot fly*) (M. Gorky) are used in the verbal part and acquire the text forming meaning. There have been studied the neologisms *Я — Шарли* (*Je suis Charlie*) — *Я не Шарли* (*I am not Charlie*), *Крым наш* (*Crimea is ours*), *вежливые люди* (*the polite people*) that appeared owing to the modern cultural context. The article uncovers the need for the creation of the pragmatically loaded dictionary ‘Classics of Russian Literature Mirrored by Winged Expressions’. The relevancy of the study undertaken is stemming from the review of winged expressions in modern different genre texts.

Key words: catchwords (winged words), functional potential, demotivator, journalism language, hashtag

REFERENCES

1. Kunygina, O.V., Lomakina, O.V. & Makarova, A.S. (2019). Internet portal “Orthodoxy and Peace” as an example of modern religious discourse. In *Journalistic text in a new technological environment: achievements and problems*. Chelyabinsk. pp. 192—197. (In Russ.).
2. Lomakina, O.V. (2018). Catchwords (winged words) in the Internet discourse: functional and pragmatic aspect. In *Polyparadigmatic Phraseology Contexts in the 21st Century*. Tula. pp. 254—260. (In Russ.).
3. Lomakina, O.V. (2019). Catchwords (winged words) in the role of a modern newspaper headline: composition, usage trends. In *Russian Language Abroad*, 1, 37—41. (In Russ.).
4. Lomakina, O.V. (2016). Language of L.N. Tolstoy as a source of catchwords (winged words): from the experience of analyzing modern use of catchwords (winged words) in modern publicism (based on internet articles). *New Economy and Regional Science*, 2 (5), 213—217. (In Russ.).
5. Lomakina, O.V. & Makarova, A.S. (2018). Modern heading as an example of realisation of the functional potential of krylatology in the journalistic discourse. In *Life phraseology — phraseology in life: a collection of scientific articles for the anniversary of prof. A.M. Melerovich*. Kostroma. pp. 180—186. (In Russ.).
6. Mokienko, V.M. (2018). I.A. Krylov at the crossroads of epochs: traditions and innovations. In *Russian language at the intersection of epochs: traditions and innovations in Russian studies*. Erevan. pp. 107—117. (In Russ.).
7. Sidorenko, K.P. (2018). Intertext units from the dilogy of I. Ilf and E. Petrov in modern speech. In *Press and the word of St. Petersburg (St. Petersburg readings — 2018)*. Sankt-Peterburg. pp. 312—316. (In Russ.).
8. Makarova, A.S. (2018). Modern krylatology (winged words studying): genesis of terminology. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 4 (1), 223—242. (In Russ.).
9. Savchenko, A.V. (2001). Intertextuality as a characteristic of the epoch (on the material of the novel “Tankový prapor” by J. Škvoretsky). In *Second Slavistic readings in the memory of prof. P.A. Dmitriev & prof. G.I. Safronov*. Sankt-Peterburg. pp. 155—157. (In Russ.).
10. Ashukin, N.S. & Ashukina, M.G. (1988). Catchwords (winged words): Literary quotes; Figurative expressions. Moscow. (In Russ.).
11. Shcherbachuk, L.F. (1996). Catchwords (winged words) in the works of Lesia Ukrainka. In *Abstracts of reports and reports of the scientific conference to the 125th anniversary of the birth of «Lesya Ukrainka Literary Phenomenon»*. Simferopol'. pp. 35—38. (In Ukrainian).

12. Dyadechko, L.P. (2006). «Winged words sound», or Russian eptology. Kiev. (In Russ.).
13. Ivanov, E.E. (2018). About compiling a dictionary «Winged aphorisms in the Belarusian language: from the Bible of the sources» (lexicographical materials), *Philological diary*, 2 (11), 16—33. (In Belarusian).
14. Ivanov, E.E. (2011). Winged aphorisms in the Belarusian language: Foreign literature and VIII of the sources in folklore — XX century: the explanatory dictionary. Mogilev. (In Belarusian).
15. Karaulov, Yu.N. (2010) Russian language and language personality. Moscow. (In Russ.).
16. Kostomarov, V.G. & Burvikova, N.D. (1999). Units of the semiotic system of the Russian language as a subject of description and assimilation. In *Proceedings of the IX Congress of the International Association of Teachers of Russian Language and Literature*. Moscow. pp. 252—260. (In Russ.).
17. Suprun, A.I. (1995) Text reminiscences as a linguistic phenomenon. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*, 6, 17—29. (In Russ.).
18. Sidorenko, K.P. (2002). Intertext interpreters in «Pushkin's Catchwords (winged words) dictionary». In *Word. Phrase. Text*. Moscow. pp. 317—330. (In Russ.).
19. Mokienko, V.M. & Sidorenko, K.P. (1999). Pushkin's Catchwords (winged words) dictionary. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
20. Arnol'd, I.V. (1999). Semantics. Stylistics. Intertextuality. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
21. Gudkov, D.B. (1999). Case name and case law. Moscow. (In Russ.).
22. Kostomarov, V.G. & Burvikova, N.D. (1994). How texts become precedent. In *Russian Language Abroad*, 1, 73—76. (In Russ.).
23. Chlebeda, W. (2002). Book Review: Gudkov, D.B. (1999) Case name and case law. Moscow. (In Russ.). In *Studia i szkice slawistyczne. Literatura — Kultura — Język*. Opole. pp. 257—263. (In Russ.).
24. Shulezhkova, S.G. (2002). Catchwords (winged words) of the Russian language, their sources and development. Moscow. (In Russ.).
25. Sidorenko, K.P. (2002). Intertextology (Pushkin text in intertext dynamics: linguistic aspect). Sankt-Peterburg. (In Russ.).
26. Kraus, J. (2000). The issue of institutional discourse. In *Stylistika*, 9, 103—116. (In Czech).
27. Hoffmannová, J. (1992). The characteristics of postmodern text. *SaS*, 53, 171—184. (In Czech).
28. Homoláč, J. (1996). Intertextuality and text formation. Praha. (In Czech).
29. Čmejrková, S. (2000). Advertising and Intertextuality. *Stylistika*, 9, 117—136. (In Czech).
30. Lomakina, O.V. & Nelyubova, N.Yu. (2018). Fictional text as a basis for the internet meme: based on the study of modern receptions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 437, 36—44. DOI: 10.17223/15617793/437/5. (In Russ.).
31. Berkov, V.P., Mokienko, V.M. & Shulezhkova, S.G. (2009). Great dictionary of Catchwords (winged words) of the Russian language. Magnitogorsk—Greifswald. (In Russ.).
32. Makarova, A.S. (2016). The Features of Phraseologisms-Gallicisms Functioning in Modern French and Russian Publicism. Moscow. (In Russ.).
33. Makarova, A.S. (2017). JE SUIS CHARLIE / JE NE SUIS PAS CHARLIE — different sides of the same coin? (exemplified by English and French journalist discourse of mass media). In *The image of Russia in the conditions of the information war of the late XX — early XXI century. Trends in the renewal of political discourse*. Magnitogorsk. pp. 431—441. (In Russ.).
34. Give the world a chance! Dictionary of modern political slogans of Russia and Germany (2016) Magnitogorsk — Greifswald. (In Russ., in German).
35. Bogdanovich, G.Yu. (2018). Interdisciplinary Discourse Platform: Crimean Context. In *Discourse: possibility of interpreting humanitarian knowledge*. Simferopol'. pp. 62—63. (In Russ.).
36. Aleshina, L.V. (2002). Dictionary of author's t neoplasms in the context of modern domestic lexicography. [dissertation]. Orel: Orel State University. (In Russ.).

Для цитирования:

Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Крылатика в современном культурном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 256—272. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-256-272.

For citation:

Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019). Winged words in a modern cultural context. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 256—272. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-256-272.

Сведения об авторах:

Ломакина Ольга Валентиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и славистики, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет; *научные интересы:* функциональная лингвистика; фразеология; лексикография и семантика; сравнительно-сопоставительное языкознание; *e-mail:* rusoturisto07@mail.ru

Мокиенко Валерий Михайлович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры славянской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет; *научные интересы:* проблемы взаимодействия языка и культуры, исторические корни славянской лексики и фразеологии; *e-mail:* mokienko40@mail.ru

Information about the authors:

Olga V. Lomakina, Doctor of Philology, Professor at the Department of General Linguistics and Slavic Studies, Faculty of Philology, St. Tikhon's Orthodox University (Russia); *research interests:* functional linguistics; phraseology; lexicography and semantics; comparative linguistics; *e-mail:* rusoturisto07@mail.ru

Valerij M. Mokienko, Doctor of Philology, Professor at the Department of Slavic Philology Faculty of Philology, St. Petersburg State University (Russia); *research interests:* problems of interaction of language and culture, historical roots of Slavic vocabulary and phraseology; *e-mail:* mokienko40@mail.ru

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09064 «Классики русской литературы в зеркале крылатых выражений».

Acknowledgment: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the research project No. 17-29-09064 “Classics of Russian literature in the mirror of popular expressions”.